

Модный Свѣтъ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
для дамъ

Годовая цѣна I-го изданія:

Съ 12 рисованными картинками:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки 4 р. — к.
— — — — — съ доставкой 5 р. 50.
Съ пересылкою въ другіе города 6 — —

Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ»

выходить въ числѣхъ 48 номеровъ въ годъ, съ 2000 иллюстрированными рисунками въ текстъ, съ 12 листиками вырѣзокъ, 12 вырѣзками иллюстрацій къ натуральнымъ вышивкамъ и 12 малъ 24 раскрашенными картинками парижскихъ модъ.

Объявленія въ журналъ «Модный Свѣтъ» принимаются въ Конторѣ Редаціи и являются плато за тысячу по 10 к. за строку помѣщавъ, какъ за себѣ.

Годовая цѣна II-го изданія:

Съ 24 раскрашенными картинками:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки 5 р. — к.
— — — — — съ доставкой 6 р. 50.
Съ пересылкою въ другіе города 7 — —

СОДЕРЖАНІЕ: За тронъ и жизнь. Историческій романъ Гизель. (Продолженіе). — Цесарь Кипрар. Фантастическій расказъ. (Окончаніе). — Японская шіва (съ русск.). — Внутренность большого буддистскаго храма, принадлежащаго Тайкуну (съ русск.). — Фелетонъ. — Фелетонъ. — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

ЗА ТРОНЪ И ЖИЗНЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ГИЗЕЛЬ.

(Продолженіе).

VI.

Ночлегъ короля.

на большіе желѣзные ящики изъ подъ угла, наполненные зажженою смолою и стоявшие на террасѣ Кильбурхауза, про сѣвши проселочную дорогу, которая шла отъ Пайлдена и Гуденфорда прямо къ террасѣ Кильбурхауза. На террасѣ стояли сэръ Пендерграссъ и его дочь Элла, за ними—старый Аронъ и еще служители. Ночь уже давно наступила и мѣсяцъ показался на небѣ. Сердце сэра Джона сильно билось. Хотя онъ былъ храбръ и неустрашимъ, но все таки его положеніе казалось ему очень опаснымъ. Правда, сэръ Джонъ утѣшалъ себя тѣмъ, что заговорщики, въ которыхъ Портреръ причислялъ и его, сами поймутъ, какъ неблаго-разумно уходить хозину изъ замка, во время присутствія короля; но, съ другой стороны, Пендерграссъ зналъ фантазмъ и некоторыхъ заговорщиковъ, съ которыми онъ жертвовалъ всѣмъ для даннаго слова; онъ боялся прослыть у нихъ врагомъ заговора и шпіономъ. Сэръ Джонъ опасался предостопаннаго обѣщанія. Онъ безпокоился, что ему не повѣрятъ, будто-бы король такъ неожиданно объявился о своемъ намѣреніи прѣхать къ нему—и это тѣмъ болѣе сомнительно, что Генрихъ явился къ нему точасъ по отъѣздѣ Портрера. Кромѣ того, сэръ Пендерграссъ не могъ сарить отъ себя, что прѣхавъ короля сильно смущалъ его. Онъ находился въ очень неловкомъ положеніи относительно короля, враждебнаго государю, которому самъ онъ былъ приверженъ. Онъ долженъ былъ дружить и принятъ человѣка, котораго охотно выгнали бы изъ Англіи; онъ принужденъ былъ охранять того, кого съ удовольствіемъ желалъ бы видѣть злыньникомъ въ рукахъ любителей; онъ не могъ оканчивать причинить какой-либо вредъ тому, который набралъ добрую яковитъ-наголку, для доказательства, что благородно-мыслящихъ паништовъ онъ ставитъ ни чутъ не ниже протестантовъ. —Сэръ Пендерграссъ даже былъ извѣ-

денъ отъ торжественнаго приема: король долженъ явиться совершенно одинъ. Когда пройдетъ десятый часъ на башнѣ Пайлдена, Пендерграссъ и его окружающіе услышатъ шумъ на проселочной дорогѣ. Ступъ лошадей, топотъ лошадей, мереніе фавесовъ снова вѣтви деревь дозвываютъ, что позвъ короля приближается. Впередѣ ѣхала лейбъ-гвардія, за нею король въ отрывѣ холостѣ, потомъ кавалькада лордовъ и охотниковъ. Пендерграссъ задрожалъ; онъ думалъ, что король прѣдетъ совсѣмъ одинъ и боялся встрѣтиться съ нѣкоторыми изъ своихъ враговъ, а также съ нѣкоторыми бывшими друзьями. Генрихъ Гоббартъ, ѣхавшій во главѣ лейбъ-гвардейцевъ, остановился у подъѣзда.

—Стוף! Равняйся! раздѣланы! посылались команда. Всадники раздѣлились на двѣ части, образовавъ алаемъ, по которой прѣхала карета короля и за нею лорды, устремляя пристальные взгляды на сара Пендерграсса; сэръ Джонъ подѣ ружу съ Эллою сошелъ съ террасы, чтобы принять короля.

Вышельмъ вышелъ изъ кареты и протянулъ руку Пендерграссу. —Сэръ Джонъ Пендерграссъ, сказалъ онъ, прошу извиненія за безпокойство; но мнѣ казалось необходимымъ навѣстить васъ, потому что до меня дошли слухи, будто-бы я избѣгую моихъ подданныхъ-католиковъ.»

Пендерграссъ въ свою очередь подаль королю руку. Онъ замѣтно дрожалъ. «Ваше величество», сказалъ онъ, «я тронутъ этимъ доказательствомъ вашего доброты.» Онъ чувствовалъ, что добротъ вознаграждается въ немъ и продолжалъ твердымъ голосомъ:

—И долженъ тѣмъ выше цѣнить это добротѣ, что вамъ извѣстенъ образъ моихъ мыслей. Я покоряюсь существующимъ законамъ, управленію и господствующей религіи, но тѣмъ не менѣе я вѣрный приверженецъ моего падшаго государя Якова Стюарта и усердный сынъ римско-католическаго церкви, которая одна ведетъ къ спасенію; со всѣмъ тѣмъ я очень радъ видѣть у себя въ домѣ ваше величество.»

Со стороны лордовъ посылались ропотъ. Король съ неудовольствіемъ обернулся. «Будьте покойны, милорды», сказалъ онъ, «сэръ Пендерграссъ дѣлаетъ очень хорошо, открыто высказыва-

ясь при свидѣтеляхъ. Но, милостивый государь,» обратился онъ къ сара Джону, «вы ошибаетесь въ одной вещи. Вы, кажется, думаете, что я прѣхалъ къ вамъ, съ цѣлю намятъ ваши убоженія—отнюдь нѣтъ, вы должны оставаться при вашихъ вѣрованіяхъ и если вы подчинитесь законамъ, которые постановлены не однимъ мною, но цѣлымъ населеніемъ Англіи, то я расположусь къ вамъ также, какъ къ моимъ лучшимъ приверженцамъ. И прѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобы опровергнуть толки народа и вновь убѣдить, что нахожусь въ совершенной безопасности у джентльмена сэра Пендерграсса; такъ—доброй ночи господа лорды и мои храбрые лейбъ-гвардейцы, пусть всѣ останутся въ Пайлденѣ. Завтра въ восемь часовъ вы прѣдете за мною и мы побѣдемъ далѣе, въ Винчестеръ. До тѣхъ поръ пусть никто не является въ Кильбурхаузъ, я имѣю наущаго охранителя въ сара Пендерграссѣ.»

Лорды, лейбъ-гвардейцы и все остальная свита удалились. Пендерграссъ и король вошли въ залу нижняго этажа, гдѣ уже былъ накрытъ столъ. Здѣсь Элла приняла монарха. Когда кончился разговоръ, она подошла и, вся распрямившись, поклонилась королю.

—Э, а, вскричалъ король, протягивая руку красной дѣвушкѣ, какаю у васъ прелестная дочка, сэръ Джонъ!

—Да, ваше величество, сказала Пендерграссъ. Прошу васъ не побрезгать нашимъ обществомъ,—если бы ваше величество не пожелалъ быть одинъ, я съ удовольствіемъ пригласилъ бы еще нѣсколькихъ господъ.

—Я очень доволенъ, сэръ Джонъ, вскричалъ король. Позовите—миссъ... миссъ...

—Элла, сказала Пендерграссъ.

—Миссъ Элла позвольте мнѣ повести ее къ столу. Онъ протянулъ Эллѣ руку и подвѣлъ ее къ столу. Пендерграссъ давалъ знакъ прислугѣ и ужины начался.

—Вы строгій католикъ, сэръ Пендерграссъ, сказалъ король. Надѣюсь, что вы не измѣните для меня обычая, введеннаго у васъ въ домѣ.

Пендерграссъ поблагодарилъ короля. Онъ снѣлъ шляпу и Вышельмъ также обнажилъ голову. Сэръ Джонъ произнесъ переобиденную молитву

и помолился покровителю своего дома. Зала также молилась. Король внимательно выслушал молитву и громко произнесъ: amen. Слыя за стою. Вильгельмъ былъ очень оживленъ. Онъ рассказывалъ о прѣлѣтѣ, который ему устроили въ Кентъ и множество интересныхъ анекдотовъ; Зала устремила взглядъ на короля. Она сидѣла подлѣ великаго героя своего времени, неустрашимаго бойца на сушѣ и на морѣ; она прикасалась къ рукамъ, которыми низвергала царя и престоломъ, чтобы создать новое царство; она слушала неседла и добродушныя рѣчи изъ устъ, совмѣшавшихъ войска противъ могущественнѣйшаго государя Европы и управленнѣйшихъ имъ по своему желанію, изъ устъ, по призыву которыхъ море покрывалось вооруженными кораблями. Эти короля мысли Зала перешла на Георга; королю угрожала мѣсть человека, ею любимаго; страшное безпокойство уничтожало счастье Залы; она подумала о близкомъ будущемъ, она узнала отъ самого Георга, что приготовлены разговоры, въ которыхъ замѣшаны ея отецъ; что, если въ эту ночь исполнится замыселъ противъ добраго короля? — Безпокойство Залы не много уменьшилось, когда она вспоминала объ общаніи Генриха. Если прійдетъ онъ, то король будетъ въ безпокойствѣ; она рѣшилась не отпустить Генриха, какъ можно было; — но что, если онъ не прійдетъ, повинуясь приказанію короля? Если же Георгъ, узнавъ, каковыя нибудь образцы о присутствіи Вильгельма, прійдетъ въ замокъ, то ужасное событіе легко можетъ совершиться.

— Такъ вотъ какія были со мною приключенія во время этого путешествія, закончить король свой рассказъ. Непослѣдствѣ мнѣ пришлось увидѣть нѣчто очень замѣчательное и необъяснимое, неполадке отсюда.

— Гдѣ же, ваше величество? спросилъ сэръ Джонъ.

— Близъ одного удивительнаго дома въ Ромней-Морѣ; этотъ домикъ принадлежитъ, какъ говорятъ, человеку, по имени Гунтъ.

Зала отъ ужаса спрыгала въ кресло. Пендерграссъ такъ сильно надругался, что стаянъ, который онъ держалъ въ рукахъ, со звономъ ударила объ кружку.

— Что же вы видѣли, ваше величество? спросилъ онъ.

— Что въ Близкоутѣ два или три человека провалились въ землю.

— Неужели? возразилъ Пендерграссъ съ недоумѣватою улыбкой.

Король началъ рассказывать свое приключеніе; чѣмъ больше говорилъ онъ, тѣмъ Пендерграссъ становился все безпокойнѣе. Онъ зналъ, что жилища Гунтъ служатъ оборонѣ пунктомъ заговорщиковъ и неоднократно сжигался, будто бы домъ контрбандита находится въ соединеніи съ развалинами и будто-бы въ его ремеслѣ принимаются участіе какое-то страшное привидѣніе. Пендерграссъ былъ далеко отъ вѣры въ эти сказки, но изъ рассказовъ Георга онъ зналъ, что Гунтъ принимаетъ у себя во всякое время заговорщиковъ. Поэтому онъ ни минуты не сомнѣвался, что появленіе и исчезновеніе людей въ развалинахъ находится въ связи съ заговорами.

— Это обманъ воображенія, ваше величество, сказалъ онъ. Вы разогрѣвались охотою.

— Я самъ былъ готовъ такъ думать, если бы нѣкоторые изъ людей моего свѣта не видѣли того же самаго. Будь у меня лишнее время, я наблюдалъ бы подробно, въ чѣмъ дѣло.

Пендерграссъ прижалъ руку къ груди, болезненно посмотрѣвъ на дверь; онъ болѣе повѣрилъ Георга Портера или бабшки; но никто не приходилъ. Часы пробилъ полночь. Сэръ Джонъ озабоченно наморщилъ лобъ: собраніе въ домъ Гунтъ началось. Король сѣднѣлъ за своимъ хозяиномъ.

— Ха, ха—засмѣялся онъ. Вы поспитываете на вашего стараго сагу. Да, да—зотъ че-

ловѣтъ навѣрно усерднѣе якобитъ. Вы не очень то дружелюбно выглядываете на меня, дѣтунчикъ.

Дѣйствительно, Аронъ, стоявшій у буфета, смотрѣлъ на короля съ выраженіемъ сильной неаппетитности. Аронъ сражался подъ знаменами Карла II—онъ не могъ перенести новыхъ порядковъ.

— Если бы я былъ не въ домѣ благополучнаго человека, въ выраженіе моего лица, мой другъ, причиною бы мнѣ безпокойства, сказалъ король, потому что вы заставляете разсужденіемъ вина; но теперь я не боюсь; напей-те-мнѣ еще стаканъ, я выпью за здоровье хозяина. Онъ протянулъ въ Арону стаканъ, который тотъ напоилъ.

Пендерграссъ и Зала съ удивленіемъ и уваженіемъ смотрѣли на короля, стою беззаботно и доверчиво.

— Теперь, дорогой хозяинъ, покажите мнѣ мою постель; я порядочно устаю, сказалъ король, вставая.

— Мнѣ будетъ очень пріятно, если ваша прелестная дочка проводитъ меня въѣсть съ нами. Гораздо лучше спать, когда король провозглашаетъ насъ на покой. Король подѣлалъ Залу въ добѣ.

— Если вашему величеству угодно, то мы проводимъ васъ, сказалъ Пендерграссъ, вставъ съвѣду.

Король поднялъ свой плащъ и направился, въ сопровожденіи Залы, къ разстөрженной двери.

— Какъ видите, я выбираю все сегодня ночью стражемъ, шуткой короля. Дѣйствительно, поютъ въ Плайденѣ.

— Я знаю это, ваше величество, сказала Зала.

— Одинъ изъ нихъ охотно остался бы здѣсь.

Онъ былъ бы также очень хорошо здѣсь пріятедь.

— Кто это такой? спросилъ король, останавливаясь и сомнѣваясь глѣба на Залу.

— Сэръ Генрихъ Гоббартъ.

— Генрихъ Гоббартъ? вскричалъ удивленный король. Развѣ онъ другъ или родственникъ кому нибудь изъ вашихъ?

Разсудительная натура Вильгельма и его склонность къ подозрѣнію начинали брать перевѣсъ.

— Нѣтъ, ваше величество. Сэръ Генрихъ Гоббартъ родился въ Винчестерѣ. Онъ еще мальчикомъ жилъ у насъ въ домѣ и былъ нашимъ другомъ, но не родственникомъ. Мы не видѣлись съ нимъ уже шесть лѣтъ. По приказанію вашего величества, они опять явились въ нашъ домъ.

— Онъ охотно остался бы въ немъ? спросилъ король, устремля острый и пронзительный взглядъ.

— Конечно, потому что онъ любитъ мою дочь, сказалъ Пендерграссъ, замѣтившій увеличивающуюся положительность короля.

— Кто?—Это прелестное дѣтѣ?

— Нѣтъ, ваше величество, мою старшую дочь, миссъ Маръ.

— А,—такъ у васъ есть еще дочь? гдѣ-же она? Ваше семейство было не въ полномъ сборѣ? Онъ устремилъ свой взглядъ на коридоръ, въ которомъ они стояли.

— Моя дочери Маръ здѣсь нѣтъ—она въ Лондонѣ. Если мой рассказъ можетъ успокоить ваше величество, то я въ краткихъ словахъ сообщу вамъ, что моя дочь оставила этотъ домъ, потому что не раздѣляла нашихъ политическихъ и релігіозныхъ убѣжденій. Она протестантка и приверженка нашего величества. Генрихъ Гоббартъ полюбилъ ее, когда она была еще почти ребенкомъ;—но онъ оставалъ нашъ домъ вскорѣ послѣ сраженія при рѣкѣ Бойнѣ, потому что я объявлялъ ему, произнесъ сэръ Джонъ твердымъ голосомъ, что я не принимаю у себя сторонниковъ новаго порядка и новаго государя. Поэтому Генрихъ не являлся въ нашъ домъ больше и убѣжалъ изъ Европы. Онъ дорого поплатился за свои убѣжденія. Теперь должно разсѣлаться недовѣріе нашего величества къ Генриху Гоббарту и нашему семейству.

Король закусалъ губы. Онъ самъ нанесъ себѣ рану тѣмъ, что выказалъ недовѣріе. Да, Генрихъ

слабый малый, сказать онъ. Мнѣ только пріятно, что онъ въ въ чѣмъ мнѣ не признался. Вотъ почему я разспрашивалъ васъ.

Онъ пошелъ даѣе. Путь въ комнату короля пролегалъ черезъ коридоръ, одна котораго выходила въ паркъ. Въ концѣ коридора находилось обшественное возвышеніе, посреди его была дверь въ спальню. Подлѣ спальни шли два узкія коридора, выходившіе на эстакеты. Одна изъ эстакетъ вела въ нижній этажъ и означивалась въ передней комнатѣ миссъ Залы. Другая эстакета немного отклонялась въ сторону и выходила въ сѣни, дѣжавшія въ нижнемъ этажѣ башни. Дверь башни, находившаяся противъ эстакеты, выходила въ паркъ. Въ спальню короля въ только что описанный коридоръ открывалась небольшая дверь. Эта дверь вела въ кабинетъ, находившійся въ соединеніи съ спальнею и имѣвшій большой бассейнъ изъ жемчужнаго мрамора, въ который во всякое время могла быть впушена вода. По преданію, этотъ кабинетъ былъ убранъ для Маріи католической, посѣтившей Килбургхауза. Сэръ Джонъ отворилъ двери въ возмужную комнату. Король вошелъ въ нее. Прекрасная кровать съ шелковыми пологамъ стояла у стѣны, противоположной кабинету съ бассейномъ. Надъ кроваткою каминъ висѣлъ портретъ Карла II. На стѣнахъ висѣло много другихъ картинъ. Матіея кресла стояли по угламъ. На потолкѣ висѣла жаровня лампы.

— Здѣсь очень хорошо, вскричалъ король, стоя на матіей ковѣрѣ и разсматривая портретъ надъ каминомъ.

— Можете быть, вашему величеству непріятно видѣть портретъ въ Божѣ починнаго государя,—я вѣло спать его.

— Нѣтъ,—пустѣ онъ стается на своемъ мѣстѣ. Я не сталъ-бы изгнать этого человека, если бы мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться въ жизни—хотя я и не любилъ его. Вѣдь его смѣльные дѣла и ко мнѣ не были благословлены. Оливеръ Кромвель преслѣдовалъ насъ обоемъ. Мы даже побили Стюартовъ. А—вотъ прекрасный портретъ. Принцъ Улрехтъ Пфальцскій. Урабръ былъ величественъ. Если бы у нашего Якова было побольше такихъ людей, то не спать бы мнѣ въ этомъ домѣ.

Король бросилъ шляпу на столъ.

— Не прикажете ли, ваше величество, пріятно кому нибудь раздѣть васъ? спросилъ сэръ Джонъ.

— Нѣтъ. Я создамъ, и привыкъ самъ себѣ прислуживать. Теперь, доброй ночи, сэръ Джонъ, я изусобищу спать постамъ моего благополучнаго противника. Душевно благодаренъ вамъ за гостепріимство,—я не забуду его. Пендерграссъ Зала схватилъ противника нymi руки.

— Покойной ночи—прелестная миссъ, сказалъ король. Если вашему сердцу не непріятно вспоминать о королѣ Вильгельмѣ, то прошу васъ сохранить въ памяти вечеръ, въ который я, подлѣ зашитою вашего родителя, спокойно спалъ подлѣ этой гостепріимной кроватки.

— Благодарю ваше величество за доброту, сказалъ Пендерграссъ. Вы очень великодушны, оказываясь вашему противнику, которой охотно справедливою достоинствъ, какъ честный человекъ.

— Я знаю это, сэръ Джонъ—и потому-то я приношу къ вамъ безъ всякой стражи; только одно я удержалъ при себѣ, за что вы не разсердитесь на меня: это принадлежность всаго солдата.

— При этихъ словахъ онъ вынулъ свой коротенькій кинжалъ, который бывалъ не въ однихъ сраженіяхъ; съ нимъ король никогда не разставался.

— Я вхожу это совершенно въ порядѣ вещей—вонъ бѣзъ меча все равно, что пасторъ бѣзъ библіи;—будете покойны въ моемъ домѣ, ваше величество.

— Разбудите меня завтра въ семь часовъ—доброей ночи.

Пендерграссъ вынулъ, затворивъ за собою дверь: — онъ услышалъ, какъ король началъ раздвигаться. Сэръ Джонъ и Элла возвратились черезъ корридоръ. Войдя во залу, Пендерграссъ дежурилъ. Передъ нимъ, въ видѣ припадкѣ, стояла толстая фигура бабшуйи.

— Заснулъ-ли Олофернъ? прошептала она. — Если бы нашлахъ да него Юдью. — Матушка, вскричалъ сэръ Джонъ, вы не должны говорить такъ — въ присутствіи моей дочери. Неужели не видите совсѣмъ ослѣпѣла пастъ? Король спитъ въ моемъ домѣ и никто не посмѣетъ тронуть волоса на головѣ его. Ступайте въ вашу комнату.

— А ты? спросила мистрисъ Анна.
— Я буду охранять короля.

Элла подождала руку отца и поспѣшила въ свою комнату; старуха не удостоила сына отвѣтомъ — она удалилась, молча. — Время тѣлоулось очень долго для изволагованной Эллы.

Часть, обманчивъ Генрихъ, наступилъ; онъ ужъ конечно выйдѣтъ изъ Павидена; но востаніе опасности еще не миновало; — король сналъ одинъ изъ комнатъ и если Генрихъ приведетъ съ собою цѣлкомыслие помощниковъ, то перестѣ будетъ на его сторонѣ. Но Элла обманулась — когда она проходила черезъ корридоръ въ свою комнату, попалась тѣмъ человѣческой фигуры: — Генрихъ, прошептала она.

— Это я, Элла, отвѣчалъ Генрихъ.
— О — такъ войди въ комнату, сказала Элла.
— Я ужъ боюсь, что ты не придешь.

Она пошла съ Генрихомъ въ свою комнату, окна которой были занавѣшаны.

— Обходи замокъ, я видѣлъ тебя съ сэрмомъ Джонномъ и королемъ на галлерей съ окнами въ паркѣ. Я думаю, что король будетъ долѣе бѣдствовать съ вами. Они спятъ въ комнатѣ королевы Маріи.

— Да. Совершенно одинъ — о, какъ онъ доверчивъ.

— Правда, сказалъ Генрихъ, невольно хвѣлся за спрятанный подъ плащомъ пистолетъ. Ну, какъ вамъ понравился король?

— Прекрасный человѣкъ — исполненный тихого, строгого величія и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ добродушный...

— Онъ рѣдко бываетъ такимъ; во время всего путешествія онъ наскакивалъ спокойствіе своей натурѣ. Въ другое время онъ былъ суровъ — даже холоденъ; только въ день битвы онъ необыкновенно оживляется, поражающъ враговъ своего престола и страны.

— Приверженцы Стюарта, не правда-ли?

— Ахъ, извини меня, Элла, сказала Генрихъ, схвативъ ее за руку. Но не гадуно-ли говорить объ этихъ вещахъ? Развѣ намъ не о чѣмъ другомъ поговорить?

— Правда, Генрихъ. Сидѣть здѣсь и поболтать о твоихъ надеждахъ, папашахъ.

(Продолженіе будетъ).

ДЕЗАРЬ КАПАРРА.

Фантастическій разсказъ.

(Окончаніе).

Странно было видѣть такую апатію итальянца, при видѣ всѣхъ предѣловъ ужасной горы, готовый разрушить его существо. Съ извѣстными болѣзнями чертами, съ широко-раскрытыми глазами и дрожъ всѣхъ тѣломъ, Капарра былъ почти веселъ... Онъ надѣлся на уничтоженіе всѣхъ этихъ симптомовъ, когда сонъ придетъ къ нему на помощь.

Терпѣніе! ужасъ не замедлитъ явиться... Возбужденный проклятіями Саади, онъ былъ уже подѣвъ вратѣ больного, готовый уничтожить сво-

нѣзъ ледовитымъ дыханіемъ уже и безъ того ослабшіе умственные элементы несчастнаго молодого челоука.

Жужжаніе между тѣмъ все усиливалось... Оно уже походило на шумъ сильнаго пламени... Цезарь, не переставая прислушиваться къ этому шуму, почувствовалъ, какъ сильно заболѣло его сердце... Шумъ выходилъ изъ лища.

Подъ вліаніемъ сильной воли, тѣло повиновалось: Капарра бросился на ящикъ, открылъ его сильными толчками ноги и вынулъ инструментъ изъ футляра. Потомъ, чувствуя, что ноги его подгибаются, онъ съ трудомъ добрался до постели, опираясь на скрипку и вынулъ въ короткое забытіе.

Придя въ себя, первая вещь, которую онъ увидѣлъ, была скрипка; но ее то и хотѣлъ видѣть Капарра.

Никто не могъ бы объяснить выраженія тоски, съ которою Капарра разсматривалъ скрипку. Онъ внимательно вглядывался въ ея ручку, изображавшую гремучую змѣю.

Голова ея была сдѣлана съ такимъ искусствомъ, что казалась живою и разсматривала итальянца съ такимъ же вниманіемъ, какъ и онъ съ. Два брызгавца, вставленные въ глаза змѣи, блистали перлами при мѣлѣйшемъ колебаніи лампы.

Взглядъ Капарры былъ неподвиженъ.

Но не одно зрѣніе было у него возбуждено до крайней степени. Остатокъ силъ, которыми онъ обладалъ, весь превратился въ слухъ... Онъ прислушивался всѣмъ своимъ существомъ и слышалъ только два звука: своего сердца и скрипки.

Обманываться было невозможно: калитры инструмента выходили пламенные стоны, жалобы, раздиравшія душу... если только это не были звуки изъ другого міра, уже начинавшие звучать въ ушахъ умирающаго.

Такъ вотъ что слышалъ Капарра, что остановило на минуту его конвульсивную дрожь и превратило въ камень. Скрипка говорила!

Дѣйствительно-ли Капарра слышалъ голоса скрипки или это было ничто иное, какъ обманъ мучимей его болѣзни? — рѣшить невозможно. Во всякомъ случаѣ, для флорентинца инструментъ издавалъ ужасные, тоскливые звуки и каждый изъ этихъ звуковъ представлялъ музыкальную фразу, вливалъ понатую для Капарры. Необыкновенная ясность установилась между языкомъ, на которомъ говорила скрипка и пониманіемъ итальянца.

— Несчастный! выжила скрипка, изгибая своей змѣиной головой, несчастный, ты пренахальный глупецъ, если осмѣлился дотронуться своими грубыми пальцами до моихъ струнъ! Ты меня страшно ранилъ твоими прикосновеніями и я страдаю отъ этого, я, которой звукъ смертеленъ... Кто позволялъ тебѣ трогать меня, тебѣ, непослушному въ таинства истиннаго знанія! Кто позволялъ тебѣ нарушить мой покой прежде, чѣмъ настало время? Знаешь-ли, сколько бѣдъ вызовешь ты своею сѣбистою, за которую заплатишь жизнью?.. Знаешь-ли, кто я? Я душа всѣхъ струнныхъ инструментовъ... Я самъ звукъ, изъ котораго происходятъ всѣ эти мрачныя мелодіи, заставляющія задумываться смертныхъ и наводящія на нихъ сны... Я роковой звукъ. Когда этотъ звукъ берется на нашихъ жалкихъ инструментахъ, онъ развивается, заглушается и, будучи высшей волей припророченъ къ нашимъ слабымъ организаціямъ, производитъ легкое нравственное разстройство, не болѣе. Но когда я самъ раздаюсь, когда мой хозяинъ раздражаетъ своихъ неизлечимыхъ смѣлостью нервы, облекающие мою душу, тогда вы не выносите ужаснаго вопля, раздражающаго воздухъ и наша душа оставляетъ тѣло.

Ее хозяинъ!... пробормоталъ Цезарь дрожащими голосомъ; ее хозяинъ?... Неужели я соноу съ ума?... Я слышу голосъ скрипки!...

Изъ головы инструмента вырывались рѣзкіе,

продолжительные звуки, которые переносились для флорентинца слѣдующими образомъ:

— Сомнѣй съ ума!... Вотъ вы всегда обвиняете разумъ, когда не понимаете; вы не догадываете, что не можете понять... Нѣтъ, Капарра, ты не смѣшнейшій, слышишь-ли? Я упоминаю тебѣ о моемъ хозяинѣ, ты же сейчасъ увидишь, твое любознательство будетъ удовлетворено; ты услышишь, что можетъ излечь изъ меня истинный музыкантъ: вотъ мой хозяинъ... я вижу его... Подыми глаза и ты также увидишь.

Капарра, обалтанный холоднымъ потомъ, машинально повиновался и увидѣлъ снѣзокъ ступишійся передъ нимъ туманъ въ то стою, ужасное, что тотчасъ же запырлзъ глаза и сталъ серьезно думать, какъ бы избавиться отъ мучимей его болѣзни. Пробавъ въ такомъ положеніи нѣсколько времени и немного успокоившись, онъ снова открылъ глаза.

Послѣ этого онъ закрылъ ихъ еще разъ и закрылъ навсегда.

Капарра чувствовалъ себя потеряннымъ. Можетъ быть, онъ и не допускалъ въ дѣйствительности того, что видѣлъ, но долженъ былъ допустить разстройство своего мозга. Итальянскій, устремивъ глаза на вѣснвйя противъ него барельефы, видѣлъ, какъ да скелета медленно вытѣгивались, росла, пока не достигла ногамъ до полу.

Они походили на людей очени высокаго роста и, отдѣлившись отъ стѣны, стали по обѣимъ сторонамъ постели Капарра.

Первый изъ нихъ, тѣмъ темнѣе, непринужденно разсказывалъ; другой, неподвижный, какъ камень, сидѣлъ у кровати.

Капарра, уничтоженный страхомъ, не могъ думать, который изъ нихъ винушалъ ему наиболѣйшій ужасъ: насмѣшливый-ли танцоръ, котораго мертвая голова скакала въ адовомъ ушабѣ или та ужасная фигура, съ черепомъ, дѣшпюнымъ всякаго выраженія и съ двумя дырами, вышѣ глазъ, устремленными на него.

Тотъ, который описывалъ него, онъ постелъ отвратительные прыжки, вынулъ скрипку и началъ ее настраивать.

Подъ его мотушливой рукой инструментъ повиновался и издавалъ ужасные звуки. Онъ уподоблялся громоу шуму моря, если бы оно могло выйти изъ береговъ.

Когда же онъ ударилъ смѣлостью по струнамъ, раздались безконечные вопли, отчаянные, въ которыхъ выражались невообразимыя страданія.

— Мъ исключать несчастный молодой челоукъ, смерти!

— Глупецъ, глупо пронассала фигура, остановилъ смѣлостью, — смерти!... Яне смерть на столько, на сколько тѣло, окрылающая твои кости, не имѣетъ жизни... Я сбавляю фосфорическую навести, не боюсь! Оставьте твою одностороннюю привычку опредѣлять вещи. Что ты хочешь назвать смертью? Развѣ смерть какъ ты ее понимаешь, можетъ существовать? Развѣ что нибудь можетъ сдѣлаться ничѣмъ? Я скажу, востановшее вещество, если хочешь, точно также, какъ и мой товарищ!

— Скажешь, который говоритъ и играетъ на скрипкѣ, подумалъ Капарра, какое страшное мѣдѣніе!

— О, да! сказала фигура, я признаюсь, что принадлежу къ обществу, съ которымъ ты мало знакомъ... ты скоро съ нимъ познакомишься... блѣдный глупецъ! ты не видишь, что все это существуетъ только въ твоихъ воображеніяхъ. Мы не болѣе, какъ привидѣнія; ты можешь встать и идти прямо на меня; ты найдешь одно пустое пространство.

Во время этого монолога, Капарра явственно слышалъ стукъ костей.

— Всюгномъ проклятіе старухи, она продала тебѣ привидѣнія! — и вотъ мы пришли!...

Одинъ только напечислй страхъ отодѣлъ тебя въ мою власть... Я слышу, какъ стучатъ твои

зубы. Послушай, идѣть, не дрожи такъ сильно, мы только слушай Саади.... Нѣтъ, ты атаго не знаешь.... Саушай, я скажу тебѣ всю правду.... Я чума!... другими словами, божество съ черными крыльями, известное у смертныхъ своими ужасными жатвами.

Въ эту минуту фигура, вооруженная бичомъ, подпала руку и хлестнула Капарра по жалуду; онъ вскрикнулъ отъ боли.

Танцоръ продолжалъ:

Я пользуюсь разными инструментами для выполения моего назначенія и для распространенія между народами различныхъ родовъ эпидеміи, какъ-то: желтой лихорадки, вошито нигро, черной язвы и т. д.

Всѣ вы считаете себя обладателями творчества.

Саушай, забавный музыкантъ.... послушай, что я тебѣ сыгравъ... это будетъ музыка истинная, исполненная реализма, выражалась по вашему.... Это не будетъ пѣсь любви, составленная подъ журчаніе ручейка, и восторги счастья.... нѣтъ... мой талантъ не въ такомъ родѣ.... Я сыгравъ тебѣ арію, лежащую на твоей постели, подарю Саади.... Это мое произведение. Мнѣ часто приходилось размырывать изъ него различные мотивы: это одно изъ de profundis, написанныхъ на тему предсмертныхъ хрипѣй тебѣ любимыхъ, умиранныхъ ужасною смертью. Тутъ ты услышишь всевозможныя проклятія, стоны, кри-

доводить до отчаянія натуры, одаренныя благородными страстями. Существо недодѣланныхъ у насъ много, надо отдать справедливость человечеству; но мы имѣемъ очень мало прекрасныхъ и очень немного такихъ себялюбивыхъ, каковы ты сейчасъ будешь.

Въ эту минуту нечеловѣческій крикъ вырвался изъ груди Капарра; тѣло его корчилось въ ужасныхъ судорогахъ. Дверь, долго сопротивлявшаяся ударамъ, поддалась наконецъ подъ сильными толчками Матеуса, сопровождаемаго Гертрудою, которая, услышавъ наверху шумъ, прудиредила своего отца.

Всѣ медицинскія пособія оказались тщетными; Капарра умеръ подъ утро въ ужасныхъ муче-

Японская школа. (Рис. изъ книги «Жизновенія Японца».)

Разнообразіе такъ прѣятно.

Скрипка, которой тебѣ очень хотѣлось владѣть, есть хохаръ!... Когда я играю на этомъ инструментѣ, каждый изъ его звуковъ расходится въ простѣйшій, приносъ съ собою зачумленій воздухъ, который можетъ быть уличителенъ только дыханіемъ человека.... Я сыгравъ тебѣ арію на этой скрипкѣ; ты услышишь диланую мелодію.... Такой музыки вамъ смертнымъ никогда не произвѣсти, хотя вы гордитесь тѣмъ, что можете создавать, вмѣсто того, чтобы изучать созданное!

Слыхалъ-ли ты когда набуду музыку природы? Пытался-ли когда нибудь въ твоихъ композиціяхъ подражать бурѣ? Пробовалъ-ли ты воспроизводить вой тѣхъ ужасныхъ урагановъ, которые, срывая все на своемъ пути, наполняютъ воздухъ раздирающими воплями, какъ бы опаливая послѣднія минуты міра? Приходило-ли тебѣ на умъ положить на ноты капризы вѣтра, удаляющегося отъ канаты кораблей различной величины, переправляя ихъ въ громадные волны ары? Нѣтъ, ты предпочитаешь искать въ своемъ умѣ....

ки ярости несчастныхъ, преданныхъ всевозможнымъ мученіямъ.... Саушай и суди самъ....

Мы отказываемся описывать то, что услышалъ Капарра; это было нѣчто въ родѣ послѣднихъ трубныхъ звуковъ Апокалипсиса. Несчастный флорентинецъ видѣлъ, какъ фигура, сидѣвшая у подножія кровати, беспрестанно подымала руку и ударила его бичомъ.

Большія чернила палта начинали покрывать все его тѣло. Провалившіеся глаза не видѣли ничего, кромѣ страшнаго видѣнія. Умъ его, способный къ пониманію только того, что говорилъ демонъ, перевелъ ему слѣдующее:

— Ты умрешь, Капарра... Оставь всякую надежду.... Черезъ нѣсколько часовъ мы создадимъ изъ твоей тѣли, изъ твоего подобія существо безъ сердца, мужского пола, прекрасной и привлекательной наружности.... Изъ душевныхъ способностей у тебя будетъ эгоизмъ, ни передъ чѣмъ не останавливающийся для своего удовлетворенія; ты превратишься въ Донъ Жуана свирѣлаго, злого.

Мы нуждаемся въ подобныхъ людяхъ, чтобы

лхъ. Въ минуту успокоенія, предшествовавшаго смерти, у него явилось странное побужденіе разсказать мучитѣльнѣйшій его кошмаръ.

На другой день, эпидемія свирѣтовала въ городѣ Модау, выбравъ Гертруду второю жертвою, и уничтожила почти весь цыганскій кварталъ.

Послѣ этого разсказа сэръ Джонъ поникъ головою и потонулъ въ размышленіи.

— Ну, а что-же сдѣлалось съ хохушавымъ антикваріемъ, пришедшимъ къ Матеусу?

— Позвольте мнѣ, но нѣкоторымъ нажимомъ причинать, не называть его имени; послѣ вилата къ Матеусу, онъ вскорѣ изнемогъ, пораженный неизвѣстной еще болѣзью и умеръ въ Ниццѣ, не смотря на усилія знаменитѣйшихъ докторовъ.

Въ послѣднія минуты жизни, онъ съ невѣроятною настойчивостію старался возобновить ноты, найденныя имъ у Бургомистра, но всѣ его старанія ни къ чему не повели: онъ не могъ ничего разобрать на черномъ пергаментѣ.

ЯПОНСКАЯ ШКОЛА.

Японцы народъ въ высшей степени своеобразный. Это проявляется во всемъ складѣ ихъ жизни, въ устройствѣ жилищъ, въ одеждѣ и проч. Некоторые путешественники утверждали даже, будто японскія дѣти никогда не плачутъ. Это, конечно, преувеличено, но справедливо то, что японскія дѣти пользуются самой неограниченной свободой. У нихъ нѣтъ дисциплины даже и въ школѣ. Предлагаемый нами рисунокъ представляетъ нѣсколько японскихъ мальчиковъ, сидящихъ на корточкахъ вокругъ своего учителя. Занятіе ихъ состоитъ въ повтореніи хорошихъ четверостишія, называемаго «Ивора», родъ аз-

ми задержаны окна. Ученики помѣщаются на корточкахъ гдѣ полагло, снявши предварительно свои соломенные сандалии.

Внутренность большого буддистскаго храма, принадлежащаго Тайкуну.

Господствующая религія въ Японіи, Буддизмъ, — и такъ какъ японцы заимствовали ее изъ Индіи, то всѣ архитектурныя намятки и буддистскіе храмы напоминаютъ объ Индіи различными символами, напр. бѣлыя входы въ храмъ всегда встрѣчаются пальмы особой породы.

Передъ каждымъ храмомъ или въблизи отъ не-

каждаго, статуи и изображенія Будды дѣлаются изъ превосходнаго песчаника. Гигантскіе издои большихъ храмовъ чаще всего орудіями позолоченнымъ и раскрашеннымъ яркими цвѣтами ороелоты. На колоннахъ и пилотахъ виднѣются вставленные въ рамы образа, статуи, различные жертвоприношенія. Толпы народа то и дѣло входятъ и выходятъ и съ шумомъ движутся въ сремѣ отъ храмовъ.

Въ боковыхъ часовняхъ храмовъ встрѣчаются вещи далеко не священные. Такъ напр. въ одной изъ нихъ хранится коллекція портретовъ наиболее знаменитыхъ красавицъ и другихъ картинъ, относящихся къ тому-же предмету.

Помѣщаемые нами рисунки взяты изъ книги

Внутренность большого буддистскаго храма, принадлежащаго Тайкуну. (Рис. изъ книги «Живописная Японія»).

буки, въ которой соединены основныя звуки японскаго языка. Смыслъ этого четверостишія слѣдующій: «Цвѣтъ и запахъ исчезаютъ. Что можетъ быть постоянного въ этомъ мірѣ? Сегодняшній день канулъ въ бездонныя пропасти ничтожества. То было непрочное подобіе сна: оно не оставило ни малѣйшаго безпокойства».

Вероятно, эта привычка философствовать съ самаго ранняго возраста и помогаетъ японскимъ дѣтямъ совершенно равнодушно, даже весело, смотрѣть на разгнѣванное лицо своего учителя. Многие, впрочемъ, и вовсе не смотрятъ, а заняты проказами съ кошкой. Какъ-бы то ни было, а въ Японіи рѣшительно всѣ умѣютъ читать, писать и считать. Преподаваніе идетъ не спѣша и поучительныхъ или исправительныхъ мѣръ не употребляется вовсе. Классъ проходитъ въ хорошихъ ибѣн или скорѣе выкрикиванія «Ивора», въ чтеніи, рисованіи кистью и китайской тушью буги, словъ и наконецъ цѣлыхъ фразъ. Школьное поведеніе имѣетъ шесть футъ и три дюйма длинны; полъ устланъ по большей части цыновками изъ рисовой соломы и такими-же цыновка-

го, воздвигается такъ называемое «Тори», т. е. дворъ изъ двухъ столбовъ, нѣсколько наклоненныхъ другъ къ другу и скользящихъ наверху почти въ острый уголъ. Они связаны двумя горизонтальными перекладинами, изъ которыхъ верхняя имѣетъ края, слегка изогнутые къ небу. Этихъ тори бываеъ по нѣскольку передъ большими храмами, такъ что они образуютъ колоннаду особаго рода.

Первый этажъ храма бываеъ квадратный; онъ весь стоитъ на невысокихъ столбахъ. Второй составляетъ обширную круговую галлерею. Орнаментальная часть этихъ зданій не лишена вкуса и гармоніи. Прекрасный коричневый цвѣтъ дерева, составляющаго почти единственный матеріалъ этихъ построекъ, еще оживляется тѣмъ, что нѣкоторыя детали резьбы оформлены въ красный или зеленый цвѣтъ. Мѣста, гдѣ помѣщаются идолы, обнесены рѣшетками. Священники совершаютъ богослуженіе передъ алтаремъ, на глазахъ народа, въ свѣтлѣхъ, отбѣлѣвшихъ отъ толпы амвономъ.

Колонны Тори вытесываются изъ гранита;

«Живописная Японія», соч. Эме Гюмбера, изданной редакціею журнала «Всемирный Путешественникъ», при картографическомъ введеніи Шалина. Переводъ и изданіе вообще, отличающееся типографскою роскошью, позволяемъ себѣ рекомендовать читателямъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Число расторожнѣхъ браковъ по петербургской губерніи въ сравненіи съ другими губерніями. — Сюррепстль и весьма неудачный бракъ въ константиноградскомъ уездѣ Польшаго губерніи. — Г-жа Хомутова, жена чиновника Залтсова. — Пораженіе, нанесенное г. Юму профессорами Петербургскаго университета. — Отчаяніе спиритовъ. — Восстаніе духовъ. — Смыслно-касторный въ роли юриди-ваго.

Кто могъ бы подумать, что петербургская губернія съ своей столицей, въ нѣкоторыхъ видахъ нравственности перепоюла остальные мѣсто-

сти нашей обширной матушки Россіи? Я самъ отъслалъ свѣдѣнія къ этому вопросу и не разскажешь душой при чтеніи дневника приключеній «Полицейскихъ Вѣдомостей», различныхъ событий, оповѣщающихъ въ другихъ газетахъ и наконецъ при мысли о тѣхъ событіяхъ, которые совершаются во мракѣ и неопознанныхъ ни въ какой газетѣ. Можете по этому судить о той радості, которой переполнилось мое сердце, когда мнѣ случилось прочесть въ официальномъ документѣ вотъ какого рода статистическія данныя: по петербургской губерніи, въ минувшемъ году было 17 растерянныхъ браковъ; въ кievской — 54; въ екатеринославской — 13; въ казуской — 41 и т. д. Это фактъ: петербургская губернія позавчера провинція примірѣ супружескихъ рождѣтелей, являетъ вѣрное доказательство непопавшихъ обязанностей, возлагаемыхъ бракомъ. Супруги петербургской губерніи могутъ выказать съ гордостью другъ на друга, и показавъ, что въ нихъ нѣтъ, которые не успѣли развестись, въ минувшемъ году, по крайней мѣрѣ столь лестнымъ статистическимъ выводомъ, откажутся на всегда отъ своего преступнаго предпріятія. Не по худому было наказать причину этого явленія, — явленія, опровергающаго общее понятіе о провинціи, какъ о вѣчнохранилищѣ патриархальныхъ нравовъ. Я не сомнѣваюсь, что такія наставленія привели бы къ весьма интереснымъ и поучительнымъ выводамъ. И уже во всякомъ случаѣ они опровергли бы то мнѣніе, что въ провинціи сохраняются еще патриархальные нравы. Итъ, эти нравы уже давно отжили свой вѣкъ и какъ въ Парижѣ, такъ и въ Потапѣ являются одинаковымъ соблазномъ графскіе титулы, богатство и всѣ суеты мірскаго. Не далеко ходить за доказательствами, вотъ одно изъ нѣсколькихъ оригинальныхъ.

Въ константиноградскомъ уѣздѣ (Потавской губерніи) явился князь Курбани-Алибѣкъ-Исфенди-шо-Шахъ-Назаровъ-Гачаевскій, молодой, красивый, статный и какъ бы для усиленія блеска всѣхъ этихъ даровъ природы — владѣющій несметными милліонами. Само собою разумеется, что, при такой обстановкѣ, молодой князь пользовался соответственными связями въ Петербургѣ, все, одною словомъ, сгруппировалось для покаяна счастья князя на землѣ. Но гордость, этотъ порокъ, присущій такимъ счастливымъ, не осмѣрилъ прекрасной души князя: онъ не погнушался знакомиться съ семействомъ одного изъ помѣщиковъ уѣзда и милостиво взглянулъ на дочь потавскихъ стариковъ. Блестящая азіатская кровь князя при взглядѣ на милую дочь провинціалку и въ одинъ мигъ охватила его неодолимою рѣшимостью. Они перешагнувъ черезъ цѣлый рядъ постепенно преодолѣваемыхъ, въ этихъ случаяхъ, преградъ и тутъ же въ первый разъ обмѣнялись потавскими стариками, что любить дочь ихъ, и просить руки ея, по съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ, чтобы свадьба состоялась не позже, какъ черезъ три дня. Столь строгое предположеніе не позволяло старикамъ задуматься, и они на все согласились; согласились и дочь. Свадьба была сыграна; съчастно помѣщичьей дочери повенчавшимся многія дѣти; родители ихъ повенчавшимся счастливо потавскихъ стариковъ; князь между тѣмъ съ молодой супругой по какому то важному дѣлу ухаживъ въ Одессу. Но увы! Не рѣдко земное счастье есть ничто иное, какъ мыльный, сіяющей радужными цвѣтами, пузырь. Черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ князя, явился исправникъ на домъ осчастливленныхъ приобритѣлемъ знатнаго злата родителей и объявилъ имъ, что зять ихъ не князь Курбани-Алибѣкъ-Исфенди-шо-Шахъ-Назаровъ-Гачаевскій, а просто на просто воровъ-мощишій мѣшанинъ Бабаевъ. Вслѣдствіе уркамъ бѣдныя старики, неразумная жертва честолюбія, неслыханнаго патриархальныхъ нравовъ. Не мудрено было этого, что цифры бракоразводныхъ дѣлъ въ провинціи превышаютъ таковыя въ нашей столицѣ.

Не нова истина, что скоротечные браки не прочны, а не прочны они потому, что уклоняются отъ общепринятаго правила въ до-брачной процедурѣ. Правильно же это заключается въ слѣдующее: молодые люди, которымъ суждено было съ супругами, встрѣчались на жизненномъ пути, обязаны испытывать первымъ пламенемъ любви. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ знакомствѣ обитыхъ пламенемъ, это пламя или угасаетъ или потухаетъ. Если оно потухло, то бракъ не состоялся; если же оно принимаетъ размыры пожара, или же, что еще лучше, — превращается въ тихое, но постоянное пламя, то неабимымъ его послѣдствіемъ является — прочный бракъ.

Такимъ именно бракомъ была завершена пламенная любовь, охватившая сердца двухъ существъ, встрѣтившихся въ Самарѣ. Одно изъ этихъ существъ знакомо петербургской публикѣ по еженедельному процессу, окончившемуся лишеніемъ правъ этого влюбленного субъекта и ссылкой его въ Самару. За ссыломъ въ арестантскія роты итальянца Боргезани, изъ любви къ которому жена генералъ-лейтенанта Хомутова не погнушалась поступкомъ, именуемымъ, на официальномъ языкѣ, воровствомъ-мошеничествомъ, въ сердцѣ г-жи Хомутовой оказалось вакантное мѣсто. Съ этой пустотой, это, не смотря на свои 50 всенъ, всегда открытое для нѣжной и пламенной любви сердце и было превращено на жительство въ Самару. Но едва оно успѣло даже водвориться, уже погужены свѣдѣнія, что вакансія занята; заняла ее какой то молодой чиновникъ, неказистый еще старая г-жа Хомутова является подъ новой фирмой: чиновникъ Залаской. Жаль, что мнѣ не случилось быть на этой замѣчательной свадьбѣ: вдохновенный торжественностью совершающегося на моихъ глазахъ событія и предшествовавшими ему фактами, я не преминулъ бы, получивъ мой бокалъ, обратиться къ поворачивавшимся въ слѣдующую рублю: «догоса неукротимой волной бурнаго житейскаго моря дѣлая трастъ, потерявъ руки, съ изорванными порывами страсти съсипали, со всего размаху необузданной волны ударились о скалы, именуемую врасводу ешь. Оцѣ пены понеслись даге, ты же, въ видѣ жалкой морской курчичи выброшенная на нашъ берегъ, была поборана симъ благороднымъ юношей, и отогрѣла я его горячимъ лонъ, ты вновь призвала къ жизни и помышляла на сиромомъ челоу по тихому потоку чиновничьей жизни. Плывайте же широко, и помните, что есть скала, о которую разбиваются ладья, сбивавшая съ дороги, берегите вашу руль и нарусъ». Впрочемъ и лучше, что я не былъ на свадьбѣ: столь чувствительная рубль, показавъ, явила бы слезы, а онъ былъ бы вовсе не встатъ на радостномъ шире гимна.

Но пожелаемъ вняти Курбани-Алибѣкъ ете и чиновникъ Залаской всего того, чего онъ самъ еще желаетъ, возвратится къ Петербургу. Что новаго въ немъ? Много новаго. Что день, то свѣдѣнія новости. Вѣкъ ихъ не передать. На многіхъ изъ нихъ не стоитъ останавливаться, но нѣкоторые заслуживаютъ поинтннѣшаго вниманія. Вотъ одна изъ такихъ. Спириты въ отчаяніи: посядывать поинтннѣшій разрывъ между головами ихъ г. Юмъ и духами. Духи вышли изъ прелюбнаго повиновенія и на отрывъ отказались отъ верченія стоювъ. Положимъ, что это работа дѣйствитель но довольно трудная. Въдъ нѣшъ дубовый столъ требуетъ для передвиженія сими нѣсколькихъ дюймовъ артезианской, а у духовъ, не знающихъ иной ниши, кромѣ духовой, какая тама сила! ну и приходится имъ чуть не сотнями дѣлаться за маю-малыскіе содѣиные столы. Надо при этомъ принять въ соображеніе, что они дѣлаются костью, а всякому изъ насъ тѣлесныиъ известно, какую боль опущиваетъ, накая костью на твердое тѣло. Это такъ, это всякому понятно: духи, за частую искалѣченные, не всегда владѣющіе полнымъ комплектомъ необходи-

мыхъ для этой работы костей, могутъ отъ нее отказываться; но вотъ что странно, что они отказались и отъ такихъ дѣйствій, которые не требуютъ отъ нихъ никакихъ успѣвъ, какъ напримеръ, слабый ударъ по клавишамъ фортепiano. Это уже изъ рукъ вонъ! это поинтннѣше непопавшее. Възглядъ университета, окруженный профессорами, съ недобрѣй отношеніями къ его могуществу, г. Юмъ поставленъ былъ непокорными духами, положеительно, въ безвыходное положеніе. Врутъ посылалась шумъ въ сосѣдней комнатѣ: глаза г. Юмъ тама и засили торжественную радостно. «Духи такъ, говорить онъ—онъ объяснитъ намъ причину, по которой стоаъ остается непопавшимъ». Олимпъ изъ профессоръ былъ командированъ въ сосѣднюю комнату, чтобы встрѣтить духа; но для по направлению къ тому мѣсту, откуда исходилъ шумъ, онъ пришолъ въ пещи и убѣдился, что шумъ происходитъ отъ воздуха, выходящаго въ трубу, изъ которой г. Юмъ заблаговременно вынулъ выхоу. Последняя надежда на повореніе духовъ исцелась г. Юмъ съ растерянными сердцемъ и съ дорогими намурами, собранными имъ, согласно условію, за данныя имъ въ частныаъ домахъ представленія, отправился на своиа. Быть можетъ, онъ создастъ еще съ иностранными духами; тѣмъ болѣе, что между ними находится сотни тысячъ поинтннѣше, не бывшихъ еще въ дѣлѣ верченія стоювъ; но старые духи и въ особенности наши русскіе, какъ видно, соскучились юмъшима. Кажется, онъ похвѣлъ въ Парижѣ; ну, такъ онъ восстановитъ свою репутацию; такъ, что день, то новые духи. Стоитъ лишь ему обратиться въ духамъ—генераламъ Клементъ Тома и Леконта, тѣ ему, по праву командировки, соберутъ цѣлыя полчища и столы пойдутъ вертѣться какъ по маслу. Да, Парижъ научитъ его еще болѣе. Что значить верченіе стоювъ въ сравненіи съ воскрешеніемъ изъ мертвыхъ? Правда, носились саухи, что г. Юмъ брался вызнать мертвыхъ, но способъ воскрешать ихъ, какъ кажется, ему неважнѣетъ. У кого онъ можетъ научиться этому полезному искусству я не знаю, но поспѣеу ему обратиться за справками къ воскресшему Марк-Магону, Рошфору и застрѣлывающему, а нынѣ благополучно здравствующему г. Бурбани, — нмъ, вѣроятно, известно, кому онъ обѣяны сплнвъ воскреснѣе. Но наши петербургскіе спириты положеительно приунали и жалъ имъ ихъ бѣдняжкамъ! Бѣрутся они въ кружокъ, начуютъ свои заклинанія и причитанія: «духи, скаіе-такіе, да прійдите же къ намъ, да поможите же намъ горемыкамъ! Да скажите же намъ, за что вы, доселѣ покорные, послушные, мылне, припѣтнгого поведенія духи, разсердились на насъ и публично, безжалостно осрамилъ нашего учителя и главу г. Юмъ?» И что же вы думаете? Вѣдь нѣтъ и нѣтъ отвѣта. Правда, что нѣкоторые изъ нихъ мерещатся, что вотъ-де духъ явился къ нему и объяснилъ ему причину непопавшенія; но этиаъ брѣвѣтъ трудно вѣрнть, онъ неустъ такую чушь, что мѣтѣ большіе спириты пожимаютъ плечами и, махнувъ рукою, отходятъ отъ нихъ какъ отъ безнадѣжныхъ. Что касается до меня, то я смотрю на людей, одержимыхъ спиритизмомъ, какъ на вродившихъ, напустившихъ на себя какую то блажь и потѣшавшихъ добрыхъ чуждъ.

Между вродившими дѣйствительно попадаются странная, загадочная существа; о таковыхъ по вѣбстветъ даге исторія, но въ большѣй части случающе это просто намуры. Даже еще и въ настоящее время вродисто сужитъ выгоднымъ промысломъ. Очень недавно явился въ Терской губерніи достойный представитель этого рода промышленности. Онъ предсказывалъ, вѣдывалъ, шель вселеную оловенную и совершенно неважнѣе сдѣлался дорогимъ существомъ въ семействѣ одного довольно богатого купца. Самъ купецъ не особенно радостно принималъ этого

святого человѣка въ расѣ; но кучища и съ дочь въ особенности были очарованы святостию и непостижимой мудростию божьего человѣка. Онъ забавлялъ ихъ рассказами различныхъ случаевъ изъ его собственной страннической жизни, читалъ имъ душевнѣйшія книги, и тогда случалось, что онъ отлучался на цѣлѣнное время, пожелавъ своимъ призваніемъ проповѣдника, то семейство кучища было безутѣшно и считало себя осиротѣвшимъ. Но онъ не заставлялъ ожидать себя и возвращался въ возлюбленное имъ семейство. Однажды вечеромъ, когда по обыкновению Божій человѣкъ утишалъ душевнѣйшія поученіями возлюбленныхъ дочерей, въ торницу явился прѣхавшій гость. Подозрѣвшись съ холанномъ и его семействомъ, онъ взглянулъ на странника и въ неудержимомъ изумленіи вскрикнулъ: «Ба! Габуръ!» Но едва онъ произнесъ это восклицаніе, какъ юридическій, быстрые молнія задувъ естественную свѣчку, бросился на пошедшаго господина, повалилъ его на полъ, и нанесъ ему нѣсколько ударовъ, скрылся.

Когда была подана огонь и поднята была въ домъ общія тревога, преслѣдованіе бѣгущаго оказалось позднею. Ночь была темная, и онъ исчезъ какъ дымъ, безслѣдно. Гости, узнавшіе странника, были отставной судебный съездатель, проповѣдникъ свѣдѣніе по обвиненію въ грабѣжѣ и убійствѣ бѣгущаго Габурова, который и былъ сосланъ въ каторгу. Оттуда онъ бѣжалъ и вотъ уже въ роли божьего человѣка встречается съ врагомъ своимъ, въ домъ возлюбленного имъ семейства. Когда по исчезновенію кривогого семейства кучища осмотрѣлось, оказалось, что въ сундукѣ недостаетъ шести тысячъ рублей, а изъ комода кучища исчезли все какіе брилліанты, жемчугъ и золотыя вещи. Одна только дочь кучища не только не понесла убытка отъ знакомства съ сѣмью-каторжникомъ, но напротивъ осталась съ прибылью..... Любопытно бы знать, въ какой роли за тѣмъ явится Габуръ. По жалу, въ роли какого нибудь знатнаго господина и станетъ преслѣдвать свою знатность и богатствомъ какую нибудь наивную красавицу какого нибудь захотѣлся, что добраго, женится на ней, и много такихъ штукъ устроитъ, покажется не воротится въ знакомую ему каторжную работу.

Смѣсь.

Похороны Александра Дюма. Одна дама изъ Дюппа сообщаетъ слѣдующіе подробности о погребеніи знаменитаго романиста: Въ четвергъ, 8 декабря, въ деревнѣ Невилла происходили похороны Александра Дюма. Это была трогательная картина. Никогда не забуду, какъ я, съ моими дѣтьми, вбиралась на крутую тропинку, при сильной вьюгѣ, чтобы отдать похоронный долгъ великому человеку. Наши взоры обращались иногда въ море, иногда на дорогу въ Руанъ, куда скоро должны были вступить пруссаки. Величіе природы, ужасы войны и мирная кончина славнаго существованія, подымали мою душу разнородными ощущеніями. Въ памяти моихъ дѣтей никогда не изгладится таинственная, скромная обстановка этого погребенія. Въ удешенной деревенской церкви, обитой лучами восходящаго солнца, стояли мы, Дома-сынъ со своими родственниками, діаконскіе граждане, бѣжавшія женщины, рыбаки, крестьянскіе дѣти. На бѣлодѣ для бѣдныхъ лежало больше сани-жовъ, чѣмъ съ ку. Затымъ мы опустились на колѣни на гранномъ деревенскомъ кладбищѣ; солнце все также светило и спокойно катилось море. Мы всѣ горько плакали; но объ утѣшеніи менѣе, чѣмъ о нашей печальной судьбѣ. Какой-то господинокъ сказалъ простую трогательную рѣчь: «Непашимъ рѣки академикомъ, но нѣсколько оди-

нокими людей дружескии прости проповѣдаютъ тебя въ молву. Храмъ славы принадлежитъ тебѣ; но путь въ него загражденъ копиями». Одинъ изъ присутствовавшихъ, живописецъ, произнесъ прощальное слово отъ имени художниковъ, и мы оставили кладбище грубого тронутые и печальныя.

Александръ Дюма оставилъ богатое собраніе със не пахнатыми рукописей. Между ними есть 23 романа и 14 драмъ.

..

Международная выставка въ Лондонѣ. Королевская великобританская коммиссія пригласила государства, участвующія въ предлагаемой въ текущемъ году международной художественной и мануфактурной выставкѣ въ Лондонѣ, послать туда, на недѣлю, также свои лучшіе полковые оркестры, которые, во время своего пребыванія въ Лондонѣ, за извѣстное вознагражденіе будутъ играть въ зданіи выставки.

..

Убийца Бутъ. Въ американскихъ газетахъ появляются разсказы, выставившіе преступника Джона Бута, убійцу президента Линкольна, въ еще худшемъ свѣтѣ. Судъ по этимъ свѣдѣніямъ, предположеніе, что побудительной въ убійствѣ причиной были патріотическіе фанатизмы, невярно; есть основаніе предположить, что Бутъ былъ подкупленъ, за 3000 ф. стер. По смерти преступника, члены правленія банка въ Мемфисѣ многократно вызывали мать и брата убійцы, чтобы ввести ихъ, какъ насѣдниковъ, во владѣніе этой суммой. Но изъ, понимая, извѣстны преслѣдшія истинныя этихъ денегъ, и до сихъ поръ они не сдѣлали ни одного шага для полученія ихъ.

..

Орденъ Французскаго почетнаго легіона, называемъ нынѣшнимъ республиканскимъ правительствомъ. Вѣсто короны — вѣнокъ изъ дубовыхъ и лавровыхъ вѣтвей. На одной сторонѣ медальона изображена женская голова съ надписью: République française 1870; на другой два перекрещенныя христіанскія знаменія съ девизомъ: «честь и отечество». Серебряная солдатская медаль также называлась соответствующимъ образомъ: вѣсто императорскаго орла, наверху теперь крутится военный трофей.

..

Точность географическихъ познаній Французовъ. Французскій пѣтушокъ, живущій въ Палау, писалъ своимъ роднымъ: «Мы живемъ на островѣ, лежащемъ въ Балтійскомъ морѣ, который до недавняго битвы принадлежалъ русскимъ, а теперь уступленъ Пруссіи.»

..

Изъ ежедневнаго Парижа. Въ газетѣ «Droit» напечатано: за нѣсколько дней до назначенія реквизиціи на лошадей, ословъ, муловъ и прочихъ одиноконныхъ, барышникъ встрѣтился на рынкѣ извозчика, продававшего откормленнаго жеребѣа и тощато волода.

«Что стоитъ лошадь?» спросилъ барышникъ. — «Съ собакой 530 франковъ!» — «А безъ собаки?» — «Я не продаю ихъ отдѣльно!» — «На что имъ собака, въ ней только кости да кожа, а мяса едва будетъ на два килограмма.» — «Послушайте, возьмите собаку за 495 франковъ.» — «Вы слуха слыши. Прошайте.» — «А лошадь я вымъ уступаю за 5 франковъ.» — Пока они спорили, съ скаканьемъ въ руки, объ этомъ странномъ торгѣ разнесся слухъ, и извозчикъ домысливъ былъ отпарился съ полнейшимъ комиссару, для объясненія, откуда онъ досталъ свою лошадь. Онъ по-

казалъ, что его хозяинъ, мусорщикъ, разоренный настоящими обстоятельствомъ, и съ гора забавляясь, оставилъ по смерти слѣдующее записаніе. «За исключеніемъ жалкой мышки, которую я завѣваю моею квартирной хозяйкѣ, у меня остаются еще лошадь и собака. Я поручаю моему работнику продать лошадь, а выреченную за нее сумму выдать моимъ родственникамъ. Что касается собаки, я оставляю ее ему въ насѣдство, предоставляя въ его полное распоряженіе.» — Такимъ образомъ объясняется настоящею работница при торгѣ. Онъ отдалъ насѣдникамъ 5 франковъ, выреченные имъ за лошадь, а 495 фр., полученные за собаку, оставилъ у себя. Его оправданъ, по родственники покойнаго хотѣли заплатить съ работникомъ процессъ.

..

Почетный подарокъ изъ Америки. Члены нѣмецкаго благотворительнаго общества въ Филадельфіи послали насѣдному принцу прусскому почетную собаку, а генералу Мольтке подарокъ — эмблему его военной дѣятельности — миниатюрное изображеніе всѣхъ военныхъ снарядовъ. Канионъ собакъ изъ лучшей дамасской стали и до половинъ покрыты богатой позолотой. Рукоятка изъ массивнаго золота, представляетъ восточную ланцу, окруженную арабскими кознями себерины, украшенные медальонами изъ чистаго золота. Все это превосходной работы и хранится въ роскошно отдѣланномъ лѣшкѣ орхидеяго дерева. Стоимость собакъ — 2,000 долларовъ. При этомъ подарокъ препроводженъ, съ большимъ вкусомъ каллиграфически исполненной на пергаментѣ адресъ. Не менѣе художественно выполненъ подарокъ для Мольтке. Наверху золотой ораза, державшій въ лѣвой ленту со словами: «Единство есть сила». Ниже, миниатюрные: флигель, ружья, шпиги, барабаны, конья, пистоляты, пушки, и т. д.; все это различается до мельчайшихъ подробностей, какъ настоящее оружіе, и сдѣлано изъ золота, серебра и стали. Ружья не больше спички, и только въ увеличительное стекло можно рассмотреть мелкую, наизумительно отточившую работу.

..

Развалины древняго города. Изъ Каира пишутъ отъ 15 января: Намъ только что сообщали, что близъ города Дель-эль-Агудъ (Еврейскіе холмы) лежатъ отъ Каира въ двухъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, и въ часъ холмы, открыты остатки города, вѣроятно, построенаго евреями. До сихъ поръ отъшли развалины храма и колодница великозвѣстнаго полноразмѣрнаго алесбастра, хорошо сохранившіеся надписи и ряды домовъ необыкновенно красивой постройки.

..

Характеристическій анекдотъ. Газета «France» разсказываетъ: «При посѣщеніи Габ-Буизуновъ лагеря Колаи, онъ встрѣтилъ «мобилизованнаго» престыпника, и между ними произошло слѣдующій разговоръ. Габ-Буизуновъ: «Давно ли вы здѣсь, мой другъ?» — Ужѣ ищется, сударь, отвѣчаетъ солдатъ, чиста все ружье. «Что же вы дѣлали все мѣсяцы?» — «Ахъ, сударь, это трудно сказать.» — «Однако?» — «Ра-Біенъ, я знаю только то, что мы четыре раза ждали бѣлы и три раза главнокомандующаго.» Габ-Буизуновъ продолжалъ свою прогулку, ничего не возразивъ, а солдатъ снова принялся чистить ружье. «Вѣрнее и оригинальнѣе нельзя было опредѣлить то, что происходило въ теченіи мѣсяца въ лагерѣ Колаи», прибавляетъ «France».

..

По американски! — Одна очень хоршенькая дѣвушка въ Луисвалѣ недавно ставила на карту свою руку противъ ста тысячъ долларовъ. Дѣло

происходило слѣдующимъ образомъ: Родители дѣвухи обидѣли вѣдѣтвѣе какого-то торговаго общества, такъ что ей предстояло идти въ гувернантки. Узнавъ объ этомъ, одинъ богатъ предложилъ ей свою руку и сердце. Въ первый разъ, дѣвушка сказала ему просто:

«Я не люблю васъ, стало быть не могу быть вашей женою.» Черезъ нѣсколько времени, претендентъ снова повторилъ свою просьбу. Тогда дѣвушка отвѣчала: «Сэръ, вы богаты, а я бѣдна; вы живете въ палатахъ, а я, какъ вы видите, почти что въ хижинѣ; вамъ очень хочется получить мою руку, а мнѣ хочется быть богатой. Давайте играть въ кости: я ставлю свою руку, а вы сто тысячъ долларовъ.» — «Хорошо,» отвѣчалъ онъ.

Пригласивъ нотаріуса и свидѣтелей и игра начался. Первымъ бросилъ кости женихъ и, по сѣту третьяго раза, у него оказалось въ общемъ сѣту двадцать два. Настала очередь невесты. Бѣдная какъ смерть, она вала кости, выигрывая — ничего, другой — опять ничего. Въ третій, наконецъ, собравъ все свое мужество, она высоко подбала ру-

ку и выбросила двадцать четыре. Выигрывать остался за нею. Она вала сто тысячъ долларовъ, а претендентъ, вѣроятно, сталъ искать другую невесту.

..

Много было проповѣдей противъ роскоши женскихъ нарядовъ, но ни одна не была, кажется, достигнута слѣдующихъ словъ одной молодой англичанки:

«Скажи мнѣ, Джемъ», обращается она къ своей сестрѣ, «подобла-ли бы ты мущину, посланнаго ларинъ свехъ собственныя волосы, рисуящаго себѣ лицо, какъ актеръ на сценѣ, и устраивающаго себѣ красивыя формы при помощи проволочнаго корсета? Если тебѣ это показалось бы некрасивымъ въ мущинѣ, то навѣрное и мущинамъ это кажется некрасивымъ въ женщинѣ.»

..

Въ Нантъ разбиралось недавно въ судѣ дѣло одной женщины, выплеснувшей кривую воду въ лицо молодой дѣвушкѣ.

— Да, я съѣла это, отвѣчала обвиняемая на вопросъ судьи. Эта дѣвушка отняла у меня мужа и, если я плеснула ей кривой водой въ лицо, то она еще раньше плеснула мнѣ тѣмъ же самымъ въ сердце.

Почтовый ящикъ.

Г-лу Д... въ Воронежѣ. Въ нашемъ журналѣ помѣщается все, что можетъ интересовать женщину: Моды, ручныя дамскія работы, кокетства, бѣлы и пр.; въ литературномъ отдѣлѣ: Романы, фантазическія повѣсти, новости, смѣхъ и проч. и онъ стоитъ въ годъ съ пересчетомъ 7 руб. с.; — журналъ «la Mode illustrée» стоитъ около 16 р. с. въ годъ, а не дастъ своимъ подписчикамъ того, что даетъ «Модный Свѣтъ».

Г-тѣ Ивановой въ В... Портреты нѣкоторыхъ докторовъ-женщинъ будутъ помѣщены въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ. Редакция весьма сожалѣетъ, что не можетъ принять Вашего предложенія.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Независимо отъ существующаго здѣсь слишкомъ 15 лѣтъ моего магазина, подъ Думой, № 6, я съ 14-го февраля сего года открылъ такой же магазинъ серебряныхъ и золотыхъ вещей, подъ тою же фирмою, на Невскомъ протѣ, въ домѣ Католической церкви № 8.

ГАВРИИЛЪ ГРАЧЕВЪ.

Поспѣшая довести объ этомъ до свѣдѣній почт. публики, имѣю честь покорнѣйше просить не отказать новому моему предпріятію въ томъ же доверіи, какого удостоился прежній мой, существующій также, магазинъ.

(283) 3—2.

ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

«ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ» представляетъ исторію, географію, искусство, изящныя ремесла, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусство, политическія событія, войны, путешествія, нравы и обычай народовъ.

ВЪ КАРТИНАХЪ.

каждый томъ, «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ» представляетъ собою ВЕЛИКОЛѢПНЫЙ АЛЬБОМЪ

и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній изящной гостиной; «Иллюстрация» необходима въездѣ и для всѣхъ.

По просьбѣ многихъ подписчиковъ, я заказалъ роскошныя

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

изъ англійскаго коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брона. Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 76 к., съ пересылкою 2 р. 50 коп.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывки для переплета, издателя «Всемирной Иллюстраціи» проситъ обратиться со своими заявленіями по возможности заблаговременно, такъ какъ, оставаясь не въ виду, быть высланъ переплетъ: красный, зеленый или коричневый.

Цѣна первыхъ четырехъ томовъ «Всемирной Иллюстраціи».

1869 г., т. е. томы I и II выстъ—12 р., съ пересылкою—15 руб.
Переплетеніе въ англійскіе, тисненіе золотомъ переплетъ—16 р., съ пересылкою—19 руб.
1870 г., т. е. томы III и IV выстъ—12 р., съ пересылкою—15 руб.
Переплетеніе въ англійскіе, тисненіе золотомъ переплетъ—16 р., съ пересылкою—19 руб.

1871 г. Для сохраненія постепенно получаемыхъ господами подписчиками №№ «Всемирной Иллюстраціи» за 1871 г., т. е. для томовъ V и VI, имѣются уже также роскошныя покрывки для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Главная контора «Всемирной Иллюстраціи» находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, домъ Ильина, № 16-8.

Издатель «Всемирной Иллюстраціи» ГЕРМАНЪ ГОПНЕ. (284)

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ОПИСАНІЕ

ВСЕРОССИЙСКОЙ

Мануфактурной Выставки

1870 года,

изящный иллюстрированный альбомъ.

АЛЬБОМЪ ЭТОТЪ ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ

— 76 изящно исполненныхъ рисунковъ —

съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ Выставки; описаніе этихъ предметовъ; виды Выставки; замѣтки о лицахъ, представлявшихъ свои произведенія; указатель экспонентовъ по классамъ и раздѣламъ; списокъ награды и пр. и пр.

А Л Б О М Ъ

МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКИ

будетъ служить для публики и гг. экспонентовъ.

ВОСПОМИНАЕМЪ О МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКѢ 1870 ГОДА и вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ подаркомъ. Для послѣдней цѣли имѣются экземпляры въ коленкоромъ переплетѣ съ золотыми тисненіями.

ЦѢНА АЛЬБОМУ ВЫСТАВКѢ:

Безъ переплета и перес. 4 руб.; съ пересылкою 5 руб.

Въ коленкор. переплетѣ 5 руб.; съ пересылкою 6 руб.

Требуется адресовать въ Контору Редакціи «Всемирной Иллюстраціи» (Германа Гопне), на Большой Садовой ул. домъ Ильина, № 16, въ С.-Петербургѣ.

(285)

РЪЗЕЦЪ для сниманія рисунковъ и выкроекъ продается въ Конторѣ Редакціи журнала «Модный Свѣтъ», у издателя Германа Гопне, по Большой Садовой ул., д. Ильина, № 16.
Цѣна 60 коп., съ пересылкою 1 р.

(286)

Дополнено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Апрѣля 1871 г.

Издатель Германа Гопне.—Редакторъ Ю. Пожаравцева.

Типографія А. М. Котомкина. Невск. просп. д. № 18.